

УДК 1(091)

А. В. Малинов

АКАДЕМИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО КАК ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКОЕ ЯВЛЕНИЕ*

МАЛИНОВ Алексей Валерьевич – доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры. Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

В статье рассматривается академическое славянофильство, т. е. распространение идей славянофилов в ученой среде. Влияние славянофильства сказалось на формулировании оригинальных научных концепций в историографии, философии истории, филологии, политической географии, математике. Академическое славянофильство сложилось в последней трети XIX в. и просуществовало до Первой мировой войны. Развитием идей академического славянофильства можно считать неославянофильство начала XX в. и евразийство.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО; НАУКА; ИСТОРИОГРАФИЯ; ПАНСЛАВИЗМ; ЯЗЫК; ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ; АРИТМОЛОГИЯ.

Широкий культурно-исторический и философский взгляд на славянство, сама постановка вопроса о цивилизационном своеобразии славянских народов относятся к последней трети XIX в. и связаны с так называемым *академическим славянофильством*. Академическое славянофильство – это направление в российской науке, сложившееся во второй половине XIX в., для которого характерна историософская и политическая интерпретация проблем славянства.

Начало славяноведения в России, как известно, было положено открытием в 1835 г. в российских университетах кафедр славянских языков. Исследования и преподавательская деятельность А.Х. Востокова,

* При поддержке РГНФ (грант № 16-03-00450).

О.М. Бодянского, В.И. Григоровича и И.И. Срезневского заложили основы российского славяноведения. Не менее значительные процессы проходили в то время и в русской философии. Споры, спровоцированные публикацией в 1836 г. первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева, способствовали становлению движения славянофилов, оформление которого приходится на 1839 г. (доклад А.С. Хомякова «О старом и новом»). Следующие два десятилетия (40–50-е гг. XIX в.) были отмечены полемикой славянофилов и западников. Сами славянофилы довольно долго не принимали навязанной им номинации, предпочитали именовать свое направление «православно-русским» или «московским», в противоположность «петербургскому» направлению. Несвязанные с университетами, славянофилы не часто соприкасались с учеными-славистами. Проблемы изучения славянства, идея панславизма мало занимали славянофилов. Первые десятилетия своего существования славянофильство и славяноведение редко пересекались, действовали может быть и в одном направлении, но, так сказать, независимо друг от друга.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в., когда молодое поколение ученых-славистов стало одновременно и пропагандистом славянофильского учения. К началу 1860-х гг. основные представители ранних славянофилов уже сошли в могилу. В это же время в русском обществе стали шире распространяться их работы, начали выходить первые собрания сочинений А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова. Все это вызывало необходимость спокойного изучения, а не полемического оспаривания наследия ранних славянофилов. В печати появились работы К.Н. Бестужева-Рюмина, А.С. Пыпина, А.Д. Градовского, посвященные анализу и истории славянофильского учения и движения. Критическому разбору славянофильства посвятили свои работы такие представители академической науки, как А.Д. Градовский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, П.Г. Виноградов, А.Н. Пыпин и др. Во второй половине XIX в. была предпринята попытка догматизации славянофильской доктрины (Н.Я. Данилевский, А.А. Киреев). Последователей А.С. Хомякова и И.В. Киреевского стали называть «поздними славянофилами». Среди них были не только философы, но представители разных наук. Новое поколение славистов также столкнулось

с необходимостью изучения и оценки наследия ранних славянофилов. Вместе с этим, перед ними стояла и другая задача: осмысление накопленных знаний о славянских языках, истории и культуре, рефлексия над теоретическими основами своей собственной дисциплины. Философия славянофилов как раз и давала опору для решения этой теоретической задачи. Сближению славяноведения и славянофильства способствовало и то обстоятельство, что признание славянофильского учения сопровождалось попыткой применить их философские обобщения и выводы к конкретной научной дисциплине. В области русской истории это сказалось в трудах К.Н. Бестужева-Рюмина, И.Д. Беляева, М.О. Кояловича, а в области славяноведения привело к возникновению академического славянофильства, которое в полной мере проявилось в последней трети XIX – начале XX в.

Для академического славянофильства характерно рассмотрение вопросов славянской филологии и литературы в более широком политическом, историческом и культурном контекстах. Особенно заметна политизация исследований, историософская интерпретация частных научных проблем. В русле философского понимания славяноведения написаны такие работы, как «Взгляд западных славян на Россию» (1868), «Польский вопрос» (1863), «Россия и ее инородческие окраины на западе» (1865) А.Ф. Гильфердинга, «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» (1859), «Непорешенный вопрос» (1869), «Об историческом изучении Греко-славянского мира в Европе» (1871), «Видные деятели западно-славянской образованности в XV, XVI и XVII веках» (1875), «Лекции по славянским наречиям» (1880–1881), «Введение в славяноведение» (1891) «Три мира Азийско-европейского материка» (1892) В.И. Ламанского, «Как возник и развивался в России восточный вопрос» (1887) Ф.И. Успенского, «Несколько замечаний об изучении славянского мира» (1877), «Культурная отдельность народов Греко-славянского мира» (1896) и «Наука и политика» (1908) А.С. Будиловича, «Германия и славянство» (1909) и «Всеславянство» (1910) Н.П. Аксакова, «Славянские беседы» (1900–1901) Д.Н. Вергуна, «Россия и Европа в исторических условиях социального и политического быта» (1906) Ф.Ф. Зигеля, «Русский язык и его культурная миссия в деле славянского

общения и единения» (1918) П.А. Заболотского, «Россия и славяне» (1913) А.Н. Сиротинина, «Неославизм и внутренние вопросы» (1908) В.А. Мякотина, «Славянство и Европа» (1877) О.Ф. Миллера, а также статьи В.В. Макушева, Т.Д. Флоринского, Н.В. Ястребова и других авторов.

Можно выделить ряд вопросов, которые с точки зрения представителей академического славянофильства допускали философское рассмотрение. Во-первых, это так называемый *восточный вопрос* или вопрос о границах славянского и романо-германского мира. Он включал в себя и проблему освобождения южных славян от турецкого владычества и сильно политизированный польский вопрос. Историческое истолкование польского вопроса приводило к анализу конфликта православной и католической культур, их взаимных отношений и исторических претензий (униатский вопрос и т. п.). Во-вторых, это обсуждение *возможности славянской (общеславянской) цивилизации*, проблем славянской взаимности и общения, исторического своеобразия славянских культур. Уверенность в культурно-исторической самобытности славянства, отличной от культур романских и германских народов Европы, вызывало к жизни идею *панславизма* или вопрос об очертаниях и единстве этой общеславянской культуры. Признать реальность панславизма означало положительно ответить на вопрос о преобладании в славянском мире начала единства над началом партикуляризма, центростремительных сил над центробежными. При таком подходе носителем начала единства, воплощением центростремительной силы выступала Россия, что требовало критики иных вариантов панславизма: австрийского, иллирийская идея и т. п. Панславизм и идея славянской цивилизации включали в себя и *вопрос об отношении к инородцам*, т. е. неславянским племенам, входящим в славянскую культурно-историческую общность. Признание культурной самобытности славян и уважение к национальным и культурным особенностям других народов приводило представителей академического славянофильства к отстаиванию *принципа цивилизационного многообразия и культурного равенства народов*. В-третьих, в качестве насущного вопроса представителями академического славянофильства воспринималась так называемая *кирилло-мефодиевская идея*, т. е. восстановление славянских церквей, возможность богослужения на

славянских языках не только у православных славян, но и у славян-католиков и славян-протестантов. В четвертых, продолжением кирилло-мефодиевской идеи стал *вопрос об общеславянском литературном, научном и дипломатическом языке*. Этот вопрос приобрел самостоятельное значение в силу своей практической важности. Фактически, здесь шла речь о приоритете культурного, а не политического сближения славян. Принятие общеславянского литературного языка сделало бы панславизм реальным историческим явлением. Со времени Юрия Крижанича (1617–1683) предлагались различные варианты общеславянского языка. Представители академического славянофильства активно отстаивали право русского языка быть общеславянским литературным, научным и дипломатическим языком. Русский язык в качестве общеславянского был предложен не русскими учеными и лишь поддержан академическим славянофильством, представители которого, пожалуй, впервые осознали, какую геополитическую силу представляет собой русский язык. Не лишним будет добавить, что основоположником геополитики (хотя, он и не пользовался этим термином) можно считать академика В.И. Ламанского, которые с середины 1860-х гг., исходя из географических отличий, обосновывал культурную и политическую самобытность славянства.

Философия языка славянофилов исходила из романтического тезиса о тождестве языка и народного духа. Вслед за К.С. Аксаковым Н.П. Некрасов и А.А. Потебня отстаивали учение об особой роли русского глагола в духовной жизни русского общества, рассматривали язык как основу возрождения национального самосознания [1. С. 86–125, 204–249].

Оригинальным развитием славянофильских идей стала славянофильская математика, представленная так называемой «Московской философско-математической школой», возникшей на рубеже XIX–XX вв. Идейной основой школы стала *аритмология* (теория прерывных функций) Н.В. Бугаева («Математика и научно-философское мировоззрение», 1898). Последователями, выразителями и пропагандистами идей школы были математики П.А. Некрасов («Московская философско-математическая школа и ее основатели», 1904, «Теоретико-познавательные построения в славянофильском духе», 1912),

В.Г. Алексеев, А.Ю. Давыдов, Н.Е. Жуковский, П.А. Флоренский. Поддержку этой школе оказывал праворадикальный политический деятель, барон М.Ф. Таубе («Московская философско-математическая школа, основанная проф. Бугаевым и славянофильство А.С. Хомякова», 1908), Е.А. Гопиус («Философия “Московской философско-математической школы”», и ее отношение к интеллектуализму философии XVIII века и экономическому материализму К. Маркса»). Н.В. Бугаев усматривал в своей *аритмологии* не только новое направление в математике, но и новое, основанное на идее *прерывности*, мировоззрение, противоположное редукционизму, детерминизму и эволюционизму, которые были основаны на идее *непрерывности*. Если традиционная аналитическая математика говорит, что по каждому бесконечно малому приращению функции можно судить о всей функции и, тем самым, как бы утверждает подчиненность всех элементов бытия единым, универсальным законам, то *аритмология*, напротив, настаивая на прерывности и «зернистости» бытия, оставляет место для самостоятельности каждой бесконечно малой сущности (монады) и утверждает некоторую неопределенность в развитии универсума. По мнению сторонников *аритмологии*, все это позволяет включить в научную картину мира представления о свободе и любви. *Аритмология*, с их точки зрения, показывает, что в мире есть место свободе воли, и что свобода воли может действовать, подчиняясь общим закономерностям. Представители «Московской философско-математической школы» усматривали в своих теориях основу особой *православно-русской науке*, восходящей к идеям соборности А.С. Хомякова и противостоящей западной науке, основанной на редукционизме и механицизме Нового времени. Некоторые авторы возводили *аритмологию* даже к «Слову о Законе и Благодати» митр. Илариона (П.А. Некрасов) и к вопросу о *filioque* (М.Ф. Таубе). Предлагались широкие проекты построения на основе *аритмологии* всего русского образования, и даже всей русской политико-правовой системы. Как единое движение школа развалилась, прежде всего, под напором математической критики. Но отдельные ее идеи сохранялись в различных философских и философско-математических теориях. Наиболее

значительным философским последователем этой школы является П.А. Флоренский [2. С. 73–75].

В философских, политических и культурно-исторических исследованиях представителей академического славянофильства в полной мере реализовался цивилизационный подход. Нельзя отрицать влияние на них концепции Н.Я. Данилевского, публицистики И.С. Аксакова, творчества Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского. Академическое славянофильство просуществовало менее полувека. Балканские войны, Первая мировая война, политические процессы во вновь образованных славянских государствах, идеология интернационализма в России положили конец этому своеобразному направлению русской мысли и науки. Жизнь развеяла панславистские иллюзии, практика показала, что в славянстве преобладают партикуляризм и центробежные силы. Наиболее активный и плодотворный деятель академического славянофильства, В.И. Ламанский, почувствовал это раньше других. Сомнения в панславизме и разочарования в направлении политического развития славянских народов привели его в конце 1880-х гг. сначала к конфликту в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе, а потом и к созданию цивилизационной концепции «среднего мира», хотя и сопоставляемого с миром «Греко-славянским», но уже в значительно большей степени отождествляемого им с Россией (как европейской, так и азиатской).

Продолжением академического славянофильства в начале XX в. можно считать неославянофильство. Основными представителями этого течения были В.Ф. Эрн («Борьба за Логос», 1911, «Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия», 1914)) и А. Топорков («Идея Славянского Возрождения», 1915). Критика ими западноевропейской культуры, усилившаяся с началом Первой Мировой войны и сводившаяся, главным образом, к критике культурных и духовных основ Германии, привела к концептуализации культурных основ через противопоставление Логоса и Ratio. Стремление к рациональности западноевропейской культуры с необходимостью ведет к милитаризму, который, по мнению славянофилов, есть деонтологизация, отход от бытия, несмотря на то, что онтологизм все-таки возможен на почве европейской образованности (примерами этому могут служить учения А. Розмино и

В. Джоберти, которым В.Ф. Эрн посвятил магистерскую и докторскую диссертации, соответственно). В античной мысли, которая считается источников Ratio, также можно найти примеры онтологизма (прежде всего, Платон). Работы неославянофилов стали попыткой объяснения процессов, происходивших в культурах Запада и Востока, попыткой уяснения роли России в их противостоянии. Идеология неославянофилов оказала большое влияние на основные течения консервативной мысли первой половины XX в. [3. С. 212–220; 4. С. 86–92].

В отличие от «ранних» славянофилов, представители академического славянофильства были профессиональными учеными. Славянофильская направленность их исследований определялась уже не столько романтическим увлечением народностью, сколько являлась результатом научной работы. Они не были только кабинетными учеными. Напротив, совершая научные командировки в славянские земли, они лучше и ближе знали и понимали славян, наполняли славянофильские идеалы столь не достававшей им конкретикой. Благодаря ученым-славянофилам влияние славянофильских идей становится заметным не только в среде философских эпигонов или националистически настроенных политиков, но и в академической науке. К сторонникам славянофилов примыкают университетские профессора и члены Академии наук, которые в своей преподавательской и научной деятельности исходят из славянофильских идей. Они не только популяризируют славянофильские взгляды, но и существенно развивают их в предметном поле конкретных научных дисциплин. Это привело к появлению оригинальных учений в области филологии, математики, политической географии, историографии и философии истории, оказало заметное воздействие на общественно-политическую мысль России. Многие идеи академического славянофильства последней трети XIX в. получили развитие в неославянофильстве начала XX в., а в эмиграции – в евразийстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Безлепкин Н.И.** Философия языка в России. СПб.: «Искусство – СПб.», 2001.
2. **Бродский А.И., Рыбас А.Е.** Проекты Серебряного века: Философские идеи русского модерна. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.

3. **Троицкий С.А. Письмо А.Н. Пыпина В.И. Ламанскому.** Предисловие к публикации // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 19. СПб., 2009.

4. **Троицкий С.А.** Очерк истории изучения народной культуры в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 1.

MALINOV, Alexei V. – Doctor of Philosophy, professor of the Department of Russian philosophy and culture at Saint-Petersburg State University. 199034, Universitetskaya nab., 7/9, Saint-Petersburg, Russia. E-mail: a.v.malinov@gmail.com.

ACADEMIC SLAVOPHILISM AS THE HISTORY AND PHILOSOPHY PHENOMENON.

The article discusses the academic slavophilism, that is, the spread of slavophiles ideas among scientists. Influence Slavophilism impact on the formulation of original scientific concepts in historiography, philosophy, history, philology, political geography, mathematics. Academic slavophilism formed in the last third of the XIX century and existed until the First World War. The development of ideas of academic slavophilism was the neo slavophilism the beginning of the XX century and eurasianism.

SLAVOPHILISM; SCIENCE; HISTORIOGRAPHY; PANSLAVISM;
LANGUAGE; POLITICAL GEOGRAPHY; ARRHYTHMOLOGY.
